

В Китае на берегу большой реки Ян-Тзе-Кианг жил бедный рыбак Кун-Лу со своей женой. У них не было детей, и они очень об этом горевали. Раз как-то рыбак пошел ловить рыбу и, как всегда, взял с собой свою ручную бабу-птицу. (Как известно, у бабы-птицы, или пеликана, есть под нижней частью клюва большой мешок. Птица складывает в него наловленную рыбу, а потом глотает ее. Китайцы используют пеликанов для рыбной ловли, и чтобы птицы не проглатывали свою добычу, надевают им на горло узкие ошейники.) В этот день счастье не улыбалось рыбаку. За целый день Кун-Лу наловил так мало рыбы, что нечего было и думать везти ее на продажу, оставалось только сварить из нее похлебку для себя. Солнце стало клониться к закату, и его косые лучи освещали печально сидевшего в своей джонке китайца. Он решил в последний раз выпустить пеликана и потом уже плыть домой. Птица нырнула и через несколько минут возвратилась, держа в клюве что-то большое, блестящее, золотое.

Кун-Лу пристально смотрел на пеликана и, когда тяжелая птица вскочила на край джонки, увидел, что она держит удивительно большую и красивую рыбу, блестящую, как чистое золото, с тремя длинными разноцветными перьями на спине. Все три пера были точно выкованы из золота. Кун-Лу задрожал.

— Такое чудо, — сказал он, — мне никогда и во сне не снилось! Продам я рыбку за большие деньги. Ну, спасибо тебе, пеликанчик.

И он с радостью вынул трепетавшую рыбу из клюва птицы. Но чудо тем не кончилось. Как только рыба очутилась в руках Кун-Лу, она раскрыла рот и заговорила голосом тихим, как шуршание речного тростника.

— Отпусти меня, добрый человек, ты не пожалеешь об этом. В благодарность возьми эти три мои пера. Одно зарой в землю, другое брось в пруд в твоём садике, третье положи на ту циновку, на которой спит твоя жена. Я царица рыб этой могучей реки и повелеваю ими, но на свете есть другой, страшный, могучий властитель — царь Желтого моря. Он грозен и ужасен и часто ведет войну со мной и с моими подданными. Отпусти меня и возьми то, что я тебе даю. Кроме того, я буду платить подать, каждые десять дней отдавать тебе некоторых из моих подданных.

Подумал, подумал Кун-Лу, наконец решил отпустить рыбу и взял ее перья.

Очутившись в воде, рыба весело плеснула хвостом и, выставив над поверхностью свой широкий круглый рот, еще раз прошептала:

— Спасибо тебе, добрый человек.

Когда Кун-Лу пришел домой, его жена Ли-Кинг увидела, что он принес мало рыбы, и очень огорчилась, однако сказала только:

— Что же делать. Иди есть: рис давно готов, чашечки и палочки на столе.

Но Кун-Лу, ничего не отвечая, побежал в сад и бросил одно перо в пруд, другое зарыл на берегу, а третье до поры до времени спрятал у себя под халатом. После ужина, когда его жена легла на циновку, он положил третье перо возле нее и потом сам лег на постель и закрыл глаза:

Рано утром его разбудил громкий крик Ли-Кинг:

— Посмотри, посмотри, — кричала она.

Он открыл глаза, взглянул и увидел, что возле нее лежит прелестная спеленутая маленькая

девочка с глазами цвета золота. В то же время он нечаянно выглянул из окошка и увидел, что в саду над прудом что-то блестит. Он выбежал и, приглядевшись к блестящей вещи, увидел, что над землей показался небольшой золотой росток, в пруду же замелькала крошечная рыбка, блестящая, как золото. Понимаете, это не была обыкновенная рыбка, которых называют золотыми, а золотая по-настоящему, блестящая, прекрасная. Муж и жена очень удивились всему этому и очень обрадовались. Вдобавок ко всему дела рыбака пошли лучше. Хороший ли был вообще улов или дурной, но один раз в десять дней он привозил домой полную джонку прекрасной рыбы и, продав ее на рынке, выручал большие деньги.

Так спокойно и счастливо зажили Кун-Лу и Ли-Кинг. Их девочка, которую они назвали в честь отца и матери Кун-Кинг, подрастала и хорошела. Она была всегда весела, здорова, мила и поражала всех умом и кротостью. Из золотого ростка выросла прекрасная лилия, вся золотая — с золотыми стеблем, листьями и цветами. Рыбка в пруду тоже росла и становилась удивительно красивой и все более и более блестящей. Но странная вещь: когда что-нибудь хоть немного печаливало Кун-Кинг, листья лилии теряли свежесть, а цветы ее печально опускались. Сначала Кун-Лу и Ли-Кинг очень удивлялись этому, а потом привыкли. Люди привыкают ко всему.

Наконец, Кун-Кинг выросла и стала взрослой красивой девушкой, которая умела делать все, что требуется от китаянки. Она прекрасно готовила кушанья, ткала на ручном станке удивительные узорчатые материи, чудно вышивала на пяльцах и т. д. Многие молодые люди сватались к ней, но родителям не хотелось расставаться со своей дочкой, кроме того, они находили, что все женихи недостаточно богаты.

Вот раз на реке показалась целая флотилия нарядных, пестро раскрашенных джонок, а позади всех плыла джонка необыкновенной красоты. Из всех вышли богатые, нарядно одетые молодые люди, а из последней джонки появился высокий важный человек в платье мандарина, с прозрачной стеклянной шишечкой на шапочке и с длиннейшей толстой черной косой.

Он со всеми китайскими церемониями сказал, что желает жениться на прекрасной Кун-Кинг, и хотя родителям очень не хотелось отдавать дочку незнакомому человеку, они не решились отказать важному жениху. Сама Кун-Кинг не опечалилась. Правда, ей было жаль расстаться с отцом и матерью, но богач надарил ей столько великолепных подарков, столько ожерелий, серег, длинных головных шпилек и чудных материй, что она утешилась.

Сыграли свадьбу по китайскому обычаю, и после празднеств важный мандарин увез свою молодую жену, как он говорил, в столицу Небесной Империи Пекин.

Муж и жена остались одни. Им было грустно и тоскливо, но они утешались тем, что их Кун-Кинг стала женой важного мандарина и живет теперь в счастье и богатстве. Одно смущало их — прошло довольно много времени, а от красивой Кун-Кинг все не было никаких вестей, хотя она обещала вскоре дать им знать о себе.

Раз вечером Ли-Кинг пришла в дом встревоженная, опечаленная.

— Знаешь, Кун-Лу, — сказала она, — ведь дело-то неладно.

— А что? — тревожно спросил он.

— Да не знаю сама хорошенько, но только золотая лилия начинает вянуть.

Кун-Лу выбежал из хижины и увидел, что все листья лилии поблекли и опустились, а роскошные цветы повесили головки.

На следующий день рано утром он и Ли-Кинг прежде всего побежали в сад к лилии. Ей стало еще хуже, она вся казалась помятой, жалкой, даже ее стебель скривился в сторону.

Тем не менее Кун-Лу, скрепя сердце, поехал на рыбную ловлю, но ничего не поймал и все время думал о том, какая беда могла постичь бедную Кун-Кинг. И проклинал же он себя за то, что испугался мандарина и польстился на его знатность и богатство!

Всю ночь муж и жена проплакали, а утром, выйдя в сад, ахнули от ужаса: золотая лилия, вся смятая, поблекшая, лежала на земле с расprostертыми, увядшими цветами и листьями, бессильными, как тряпка. В то же время в пруду происходило что-то странное. Золотая рыбка металась во все стороны, прыгала, выскакивала из воды, опускалась на дно, вертелась, делала

резкие повороты, высовывала голову и опять начинала метаться. Видя все это, Кун-Лу и Ли-Кинг снова горько заплакали, ломая руки.

— Наверно, с нашей доченькой случилось несчастье, — горестно простонала Ли-Кинг. — Конечно... Но она не договорила, потому что в эту минуту золотая рыбка выскочила из воды и, сделав большой прыжок в воздухе, упала на песок к ее ногам. Странно подпрыгивая и поворачиваясь, она перескакивала с места на место, потом, снова сделав громадный прыжок, скакнула в воду. На песке перед изумленными Кун-Лу и Ли-Кинг остались ясно начертанные слова (рыбе было легко писать, ведь известно, что некоторые китайские слова состоят из одного иероглифа). Они прочли:

— Девушка у царя Желтого моря.

Ли-Кинг громко зарыдала, закричала, а Кун-Лу даже плакать не мог от отчаяния. Но они не ушли от пруда, потому что рыба опять стала метаться в воде, снова выскочила и, упав на песок, принялась писать своим телом слова, а потом, поднявшись на хвост, прыгнула в воду.

Муж и жена теперь уже знали, что нужно прочесть надпись, и прочли: «Я помогу вам. Приготовьте джонку. Завтра утром будьте здесь».

Как только рассвело, Ли-Кинг и Кун-Лу побежали к пруду, а там на мягком песке уже виднелась длинная запись. Вероятно, рыба написала ее ночью.

«Кун-Лу, вынь меня из пруда, посади в стеклянную чашу, сам садись в джонку и плыви до Желтого моря. Возьми с собой товарища и длинный шелковый шнурок. На Желтом море вложи конец шнурка в мой рот, сам схватись за мой хвост и вместе со мной бросься в воду».

Так и сделал рыбак. Он простился с Ли-Кинг, помолился богам в соседней пагоде, вынул золотую рыбу из пруда, и вскоре его джонка поплыла по великой китайской реке. В Желтом море джонка остановилась, рыбак с замиранием сердца вынул из стеклянной чаши золотую рыбу, вложил ей в рот конец шелкового шнурка и с удивлением заметил, как крепко она сжала его. Потом он уцепился за рыбий хвост, дал конец шнурка товарищу и, попросив его по знаку тащить шнурок обратно, кинулся вместе с рыбой в воду.

Зашумела, забурила вода над головой бедного Кун-Лу, но он не потерял присутствия духа и не выпустил из рук рыбьего хвоста. Быстро-быстро спускались они вниз. Кругом сновали разные рыбы. Вот мелькнула жадная акула, но, точно ослепленная блеском золотой рыбы, со страхом бросилась от нее. Наконец, Кун-Лу ступил на морское дно, покрытое неведомыми растениями, камнями и какими-то обломками. Продолжая держаться за рыбу, Кун-Лу шел по неровному каменистому дну. И вдруг перед ним что-то засияло и засветилось. Он увидел громадный хрустальный дворец, обвитый красноватыми водорослями, украшенный рядами устриц и других раковин. Он был весь прозрачный. И как же задрожал Кун-Лу, увидев в одной из его комнат свою дочку, свою прелестную Кун-Кинг, которая сидела на жемчужном троне рядом с царем Желтого моря. На ней красовался великолепный наряд, весь сотканный из мелких жемчужин. Ее голову обвивала коралловая корона, в ушах висели серьги из янтаря, на шее было янтарное ожерелье. Но как бледна, как печальна казалась она! Царь морской походил на того мандарина, в виде которого он явился к Кун-Лу, но был окутан каким-то странным одеянием из ткани, напоминающей струи воды, все время изменяющей цвет. На его голове вместо косы, как у каждого доброго китайца, стоймя стоял целый лес зеленых водорослей.

Кун-Лу так и рванулся вперед, не заметив, что вход в хрустальный дворец загородили два огромнейших спрута, стоявших на часах, и два морских червя — голотурии невиданной величины. Кун-Лу испугался, но рыба так толкнула их носом, что спруты расползлись в разные стороны, злобно пошевеливая своими страшными длинными ногами, а голотурии, став на хвосты, низко поклонились ей. Рыба вплыла во дворец, а за ней и рыбак. В каждой комнате видели они придворных царя: исполинских морских ежей, коньков, морских губок, звезд и других морских животных такой странной формы и такой необыкновенной величины, каких Кун-Лу и вообразить себе не мог. Когда они очутились в тронном зале, бедная Кун-Кинг, завидев отца, протянула к нему свои исхудавшие бледные ручки, а морской царь гневно поднялся с трона и замахнулся на рыбу острым железным трезубцем. Но рыба не сплеховала, она подняла невероятную суматоху, стала

метаться из стороны в сторону. Вот она ударила металлической спиной об одну из хрустальных стен дворца, та треснула, осколки со звоном посыпались, и вдруг неожиданно для царя целые миллионы, тысячи таких же золотых рыб кинулись в пролом. Впереди всех была золотая рыба громадной величины, в которой Кун-Лу узнал рыбью царицу реки Ян-Тзе-Кианг.

Рыбы окружили хрустальный трон, напали на царя, и не успел он позвать к себе на помощь своих подданных, как его трон был опрокинут. Во время наступившей суматохи рыба дернул шнурок, схватил дочь одной рукой, держась другой за рыбий хвост.

Рыба с помощью товарища рыбака, который тянул за шнурок, уносила из дворца Кун-Кинг и Кун-Лу. Никто из жителей моря не обратил на них внимания. Все были заняты боем между войсками рыбьей царицы и полчищами царя Желтого моря.

Когда товарищ Кун-Лу увидел золотую рыбу своего приятеля и его дочь, он очень удивился. Они тотчас же поплыли обратно, да и пора было отправиться домой. На море поднималась буря, и не мудрено — так всегда бывало, когда происходило сражение между царицей рыб и царем Желтого моря.

Нечего и рассказывать о том, как обрадовалась Ли-Кинг, впрочем, она уже знала, что все окончится счастливо, потому что золотая лилия выпрямилась, стала вновь свежей, пустила новые ростки, раскрыла новые цветы. Кун-Лу, Кун-Кинг и Ли-Кинг зажили счастливо.

Тут и сказке конец. Надо только прибавить, что на Желтом море все еще бывают страшные бури, верно, царь продолжает воевать с царицей рыб реки Ян-Тзе-Кианг.

